

генды о Ваулаве и Людмиле и подлинность Кристиана» И. Пекарж обратил внимание и на совпадения ПВЛ с Кристианом, но высказался об этом очень кратко: «Кроме того, мы встречаем это известие (о крещении болгар до обращения Моравии в христианство, — О. К.) в легенде, которая в конце XI в. попала в русскую ПВЛ, а в XII в. — в Далмацию (*Diocleatis autoris annales*); весьма интересно, что эта легенда читается и у Кристиана, — все указывает на стародавнюю традицию, распространенную у всех славянских народов».³ У Пекаржа были очень неясные представления о взаимозависимости текстов. Он говорит о какой-то общеславянской традиции.

Цель работы Пекаржа — реабилитация Кристиана, и эта цель объясняет характер рассуждений исследователя. Для него прежде всего важно, чтобы Кристиан выдержал сравнение с памятником IX в. — Житиями Константина и Мефодия. Поэтому Пекарж сопоставляет Кристиана с источниками хотя и несколько более поздними, но все же достаточно древними и почтенными — с ПВЛ, так называемой «Болгарской» легендой и Дуклянином. Точным и простым, иногда даже примитивным отношениям памятников, как их обычно определял Добровский, Пекарж противопоставляет романтически окрашенную конструкцию общей традиции, первоначально, по-видимому, устной. Пекарж явно не имел представления о том, что сходством Кристиана и ПВЛ специально занимался еще Добровский. Но даже если бы Пекарж знал относящиеся к этой проблеме работы Добровского, все же трудно утверждать, что он принял бы мысль о зависимости ПВЛ от Кристиана. Пекарж справедливо относит возникновение кирилло-мефодиевского пассажа в ПВЛ к концу XI в. Это не противоречит предположению о зависимости ПВЛ от Кристиана, и менее всего в глазах Пекаржа, который приложил столько усилий, чтобы найти для Кристиана место в последних десятилетиях X в. Но, несмотря на это, в подходе Пекаржа к проблемам X—XII вв. было немало неясного. Добровский во многих отношениях был гораздо смелее. Парадокс заключается в том, что Добровский не боялся отыскивать в русской летописи влияние Кристиана, хотя и почитал его за позднюю подделку, в то время как Пекарж — при всем его стремлении к реабилитации Кристиана — был скромнее, стремясь найти для Кристиана какое-нибудь «место под солнцем», говоря о нем как об отголоске общеславянской традиции.

С точки зрения самой ПВЛ вопрос был решен в работе А. А. Шахматова, которая вышла в 1908 г. в сборнике в честь И. В. Ягича,⁴ т. е. почти одновременно с книгой Пекаржа о Кристиане. Статья А. А. Шахматова называется «Сказание о преложении книг» (этот термин далее будет употребляться для обозначения кирилло-мефодиевского пассажа в ПВЛ). Как известно, в других исследованиях А. А. Шахматов реконструировал древний вид ПВЛ — так называемый Начальный свод — прежде всего с помощью новгородской летописи. В древнем Начальном своде (еще в редакции около 1100 г.) не содержалось «Сказания о преложении книг», оно было включено в летопись только компилятором ПВЛ (редакция Сильвестра 1116 г.). Редактор начала XII в. имел «Сказание о преложении книг» в готовом виде, и цель А. А. Шахматова заключалась в том, чтобы реконструировать этот оригинал. По мнению исследователя, он слагался из трех частей: в первой рассказывалось о расделе-

³ J. Pečari. Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Prag 1906, стр. 184.

⁴ А. А. Шахматов. Сказание о преложении книг на словенский язык. — В кн. Jagić — Festschrift. Berlin, 1908, стр. 172—188.